

Содержание

Введение	3
Глава I. Общая характеристика творчества Н.С.Лескова и место малых форм в его творчестве	4
1.1.Биографические сведения	4
1.2.Малые литературные формы в творчестве Н.С.Лескова и их построение .	7
Глава II. Рассказ Н.С.Лескова «Бесстыдник» как отражение драматического произведения А.С. Грибоедова «Горе от ума»	14
2.1.Построение рассказа Н.С. Лескова «Бесстыдник»	14
2.2.Подстрочные комментарии к рассказу «Бесстыдник».....	18
2.3. «Горе от ума» Грибоедова как пратекст «Бесстыдника».....	20
Заключение.....	24
Список использованной литературы.....	25

Введение

Творчество Лескова трудно сопоставить с произведениями русских писателей XIX века, и это не потому, что его талант не так велик, как у признанных классиков литературы, а в силу того, что Лесков смотрит на жизнь под другим углом, пытается уловить в ней что-то свое, иное, нежели его предшественники и современники. Л. А. Аннинский так говорит об этой особенности писателя: "Лесков смотрит на жизнь с какого-то другого уровня, чем Толстой или Достоевский; ощущение такое, что он трезвее и горше их, что он смотрит снизу или изнутри, а вернее из "нутра". Они с необъятной высоты видят в русском мужике... неколебимо прочные основы русского эпоса Лесков же видит живую шаткость этих опор: он знает в душе народа что-то такое, чего не знают небожители духа, и это знание мешает ему выстроить законченный и совершенный национальный эпос". Но может быть, и не в этом цель художественного изображения? Своеобразие творческого подхода писателя в том, что он не пытается заковать образ в рамки той или иной традиции, он смотрит на жизнь гораздо шире.

Цель данной работы – анализ рассказа Н. С. Лескова «Бесстыдник». В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие задачи работы:

1. характеристика особенностей малых форм в творчестве Н.С.Лескова;
2. подстрочный анализ рассказа «Бесстыдник»;
3. сравнение рассказа «Бесстыдник» с произведением Грибоедова «Горе от ума»: случайно или намеренно используются прямые и косвенные ссылки и является ли данный рассказ иронией по отношению к Грибоедову или же нет? Для чего используется цитирование в данном случае?

Глава I. Общая характеристика творчества Н.С.Лескова и место малых форм в его творчестве

1.1.Биографические сведения

Лесков Николай Семенович

4(16).2.1831, с. Горохово, ныне Орловской области, - 21.2(5.3).1895, Петербург

Родился в семье мелкого чиновника. Учился в Орловской гимназии. С 16 лет начал работать чиновником в Орле, затем в Киеве. Несколько лет был помощником управляющего крупными имениями, много ездил по стране. В 1861 переселился в Петербурге.

Писательскую деятельность начал со статей и фельетонов. В 60-е гг. Лесков создаёт ряд прекрасных реалистических рассказов и повестей: «Погасшее дело» (1862), «Язвительный» (1863), «Житие одной бабы» (1863), «Леди Макбет Мценского уезда» (1865), «Воительница» (1866), пьесу «Расточитель» (1867) и др., в которых широко показана русская жизнь.

В то же время одна из ранних статей Лескова (1862) - о петербургских пожарах - послужила началом его длительной полемики с революционной демократией. Рассказ «Овцебык» (1863), романы «Некуда» (1864; под псевдонимом М. Стебницкий) и «Обойдённые» (1865) направлены против «новых людей»; Лесков пытается доказать тщетность и беспочвенность усилий революционного лагеря, создаёт шаржированные типы нигилистов - в повести «Загадочный человек» (1870) и особенно в романе-пасквиле «На ножках» (1870-71). Сам Лесков не считал себя антинигилистом, ссылаясь на то, что в его романах есть образы нигилистов идеальных.

В середине 70-х гг. в мировоззрении Лескова происходит заметный перелом. В повести «Смех и горе» (1871) он сатирически изображает социальную действительность царской России. В это время Лесков начинает создавать целую галерею типов праведников - могучих духом, талантливых

патриотов русской земли: роман «Соборяне» (1872), повести и рассказы «Очарованный странник», «Запечатленный ангел» (обе - 1873), «Несмертельный Голован» (1880), «Печерские антики» (1883), «Однодум» (1889) и др.¹

Праведники Лескова не сочувствователи, а борцы, отдающие себя людям; они - из самой гущи народной. М. Горький писал по этому поводу: «После злого романа «На ножах» литературное творчество Лескова сразу становится яркой живописью или, скорее, иконописью, - он начинает создавать для России иконостас ее святых и праведников. Он как бы поставил себе целью ободрить, воодушевить Русь, измученную рабством... В душе этого человека странно соединялись уверенность и сомнение, идеализм и скептицизм» (Собр. соч., т. 24, 1953, с. 231, 233).

В творчестве Лескова чрезвычайно сильны мотивы национальной самобытности русского народа, вера в его творческие силы: сатирическая повесть «Железная воля» (1876), «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» (1881) и др. Левша в «Сказе...» противостоит миру злых кукол, облечённых властью; и хотя судьба его трагична, моральная победа остаётся за ним. Необычайно оригинален и красочен язык «Сказа...». Герой переосмысливает комически и сатирически язык чуждой ему среды, трактует многие понятия по-своему, создаёт новые словосочетания. Тема гибели народных талантов на Руси с проникновенным лиризмом раскрыта Лесковым в повести «Тупейный художник» (1883).

Сближение писателя с демократическим лагерем в 80-90-е гг. 19 в. усиливается. Лесков идёт по пути углубления критики социального строя царской России, подвергая пересмотру многие свои взгляды и убеждения. В рассказах «Человек на часах» (1887), «Простое средство» (опубликованы 1917), «Административная грация» (опубликован 1934) и многих др. Лесков

¹ Видуэцкая И.П. Прошлое и настоящее в художественном мире Лескова/Лесков и русская литература. М.: «Наука», 1988.458 с.

раскрывает произвол государственного аппарата самодержавия, единение реакционных сил в борьбе с инакомыслящими.

Много места уделяет Лесков изображению морального облика буржуа: «Чертогон» (1879, под названием «Рождественский вечер у ипохондрика»), «Отборное зерно» (1884), «ГрабЕж» (1887), «Полунощники» (1891) и др. В жанре острой политической сатиры написаны повести «Зимний день» (1894), «Дама и фефёла» (1894) и др. Но идеал Лескова не революционер, а просветитель, пытающийся усовершенствовать общественный строй при помощи морального убеждения, пропаганды евангельских идеалов добра и справедливости. Последняя повесть Лескова «Заячий ремиз» (1891-94, опубликована 1917) - сатира на политическую реакцию 80-90-х гг. Используя средства гиперболы, гротеска и сатирической фантастики, Лесков создаёт жуткую картину деятельности охранителей, помешавшихся на ловле «сицилистов».

Лесков тщательно изучал безбрежную стихию народного языка; его повествовательный стиль характеризуется использованием народных речений, жаргонных словечек, варваризмов и неологизмов, богатого лексикона вымышленных слов, сатирически переосмысливающих общепринятые понятия. Сплав литературного и народного языка образует неповторимо яркую и живую сказовую манеру Лескова, в которой образ раскрывается посредством его речевой характеристики. По повести «Леди Макбет Мценского уезда» Д. Д. Шостакович создал одноименную оперу (1934; возобновлена в 1962 под названием «Катерина Измайлова»).

В 1870 - 80 многое переоценивает; знакомство с Л.Толстым оказывает на него большое влияние. В творчество Лескова входит национально-историческая проблематика: роман «Соборяне» (1872), «Захудалый род» (1874). В эти годы пишет несколько повестей о художниках: «Островитяне», «Запечатленный ангел».

Талантливость русского человека, доброта и щедрость его души всегда восхищали Лескова, и эта тема нашла свое выражение в рассказах «Левша» (1881), «Тупейный художник» (1883), «Человек на часах» (1887).

В наследии Лескова большое место занимает сатира, юмор и ирония: «Отборное зерно», «Бесстыдник», «Пустоплясы» и др. Повесть «Заячий ремиз» была последним крупным произведением писателя.²

1.2. Малые литературные формы в творчестве Н.С.Лескова и их построение

Имя Николая Семёновича Лескова, замечательного русского писателя, давно обрело мировую известность, а его творчество до сих пор является объектом пристального внимания отечественных и зарубежных учёных. Однако, несмотря на острый интерес к проблемам поэтики этого замечательного художника и большие достижения в указанной сфере, последнее слово о специфике его эстетического письма не только не сказано, но вряд ли будет произнесено в обозримом будущем.

Одной из проблем, нуждающихся в тщательном рассмотрении из-за малой изученности и чрезвычайной сложности, является лесковская жанрология в её эволюционных и новаторских модификациях. Проблема жанровых традиций, необходимость учитывать их в собственном творчестве воспринималась Лесковым чрезвычайно остро в связи с неизбежным использованием заданных и не слишком естественных готовых форм. В самом начале творческого пути примыкавший к распространённому тогда жанру так называемых обличительных очерков - с той разницей, что в них уже чувствовалась рука будущего беллетриста, писатель превратил его затем «в фельетон, а иногда и в рассказ» В известной статье о Лескове П.П. Громов и Б.М. Эйхенбаум, которым принадлежит процитированное вслед за автором неизданной книги «Лесков и его время» А.И. Измайловым мимоходом

² Катаев В.Б. Лесков в литературных полемиках //Русская словесность. – 1995. - №6 – С. 22-25.

задевают одну из самых важных сторон эстетики уникального художника, отмечая, что «вещи Лескова часто ставят читателя в тупик при попытке осмыслить их жанровую природу. Лесков часто стирает грань между газетной публицистической статьёй, очерком, мемуарами и традиционными формами высокой прозы - повестью, рассказом»³.

В книге «В поисках идеала (Творчество Н.С. Лескова)» её автор, виднейший исследователь лесковского творчества И.В. Столярова, проницательно указывает на творческую одержимость Н.С. Лескова поисками адекватных его писаниям жанровых форм, поисками, отличающимися «большой мерой теоретической осознанности». Действительно, в письме к Ф.И. Буслаеву (1877) Лесков выражает резкое недовольство «критическим бессмыслием» в понятиях самих писателей о форме их произведений: «Хочу, назову романом, хочу, назову повестью — так и будет. И они думают, что это так и есть, как они назвали. Между тем, конечно, это не так...».

Размышляя о специфике каждого из прозаических повествовательных жанров, Лесков указывает на трудности их разграничения: «Писатель, который понял бы настоящим образом разницу романа от повести, очерка или рассказа, понял бы также, что в их трёх последних формах он может быть только рисовальщиком, с известным запасом вкуса, умений и знаний; а, затеяв ткань романа, он должен быть ещё и мыслитель...» (там же, с. 451). Если обратить внимание на подзаголовки лесковских творений, то становятся очевидными как постоянное стремление автора к жанровой определённости, так и необычность предлагаемых дефиниций вроде «пейзажа и жанра», «рассказа на могиле», «рассказов кстати».

Проблема специфики лесковского рассказа в его сходстве-различиях с жанровым каноном осложняется для исследователей тем, что в критической литературе лесковского времени не было достаточно точных типологических

³ Ломунов К.Н. Русская классика в оценке Н.С. Лескова/ Лесков и русская литература. М.: «Наука», 1988. 480 с.

критериев жанра рассказа в его отличиях от новеллы или маленькой повести. В книге Е.М. Мелетинского «Историческая поэтика новеллы», основанной на материале всемирной литературы, не только рассматриваются вопросы происхождения жанровой структуры, формирования классических образцов новеллы, но и даётся классификация последних в историческом освещении и высказывается ряд очень важных соображений по поводу специфики русской новеллы.

В лесковском рассказе «случайность» кадрирования сюжетных событий, как мы убедимся на примерах разбираемых текстов, тем принципиальнее, что она зависит не от объективной хронологии происходящего с персонажем, а от видения рассказчика, не совпадающего с повествователем и автором. Столь же значим для Лескова и особый вкус к «микрособытию», как зеркалу, в котором отражается ментальность лесковского персонажа. Нам представляется также, что выделенное Е.М. Мелетинским как чеховское в новеллистике («нарушение рациональной организации повествования и «рационального» поведения героев») / можно с полным правом отнести и к лесковским «малым формам». Современные составители Словаря литературоведческих терминов И.А. Елисеев и Л.Г. Полякова используют типологические характеристики Л.И. Тимофеева, не предлагая ничего взамен. То же самое относится и к таким справочным изданиям, как Литературная энциклопедия, Краткая литературная энциклопедия, Энциклопедический словарь и т.п. В трудах современных исследователей теории жанров новелла в её отличиях от рассказа трактуется как замкнутая форма, отличающаяся рядом структурных черт. Содержанием новеллы является «случай, выходящий за рамки повседневного, обыкновенного, даже просто вероятного», «нечто выходящее за пределы обычной организации самой действительности» (. При этом «редкое, нетипичное, невероятное становится в новелле знаком

обычного, типического». Иными словами, новелла пытается разглядеть за случайным закономерное, за поверхностью существенное⁴.

В связи с этим двуплановость новеллистического события воплощает разные облики мира — трагически-бытийный и обыденно-прозаический и противоположное видение реальности. Отсюда и частое совмещение трагического и комического аспектов. А.В. Михайлов особо подчёркивает определяющую функцию новеллистического сюжета и отсутствие здесь описательности и медитативности: «Единственная реальность в новелле — это её фактическая сторона, которая излагается как таковая, как бы по возможности вне посредующих членов, а потому единственная манера и стилизация, естественная для новеллы, — это стилизация под хронику с её объективностью».

Ещё одним существенным признаком бытования новеллы является, по справедливому утверждению исследователя, её латентная связь со стихией, сферой рассказывания, осознаваемой как художественная: «Тогда новелла выступает как вполне естественное оформление процесса рассказывания, как некий простейший структурный элемент этого процесса, вычленивающий в нём осмысленные части».

Специальные работы, посвященные жанрологии лесковских «малых форм», появились недавно (кандидатские диссертации Б.А. Леоновой о мемуарных очерках Лескова и П.Г. Жирунова о жанре рассказа в творчестве Н.С. Лескова 80-90-х гг. XIX века. На эти работы и высказывания других лесковедов, намечающих некоторые важнейшие аспекты заявленной проблемы, мы и опираемся.

Вслед за Б. Эйхенбаумом исследователи обращают внимание на органичность повествовательной структуры лесковского рассказа для творческой манеры писателя и отличительные черты «малой формы» Лескова от беллетристики его эпохи. По мнению Н.Н. Старыгиной, рассказы

⁴ Добин Е. Жизненный материал и художественный сюжет. Л.: «Художественная литература», 1958. 234 с.

писателя вполне соответствовали идейно-художественным тенденциям развития русской литературы начала 1860-х годов только на первый взгляд: «народная тема как главная в содержании, реалистические принципы построения действительности, исследовательский подход к предмету изображения, малые эпические формы, публицистичность были характерны для социологической прозы русских демократов. Но Лесков задумал <...> не изображение народной жизни «без всяких прикрас», а проникновение во внутренний мир простого человека для того, чтобы понять, на чём основываются его поступки, как он мыслит, думает, чувствует...»⁵.

Много говорится и о синкретизме лесковских повествовательных форм в их жанровых разновидностях. Так, Е.А. Сухарева, в очередной раз обращая внимание на яркую оригинальность лесковской жанрологии, замечает, что «в своём творчестве писатель обычно выходит за рамки какой-либо одной жанровой традиции, смело контаминирует в композиции своих произведений характерные структурные приёмы различных жанровых образований. <...> Многие из его произведений так или иначе тяготеют к новелле. <...> С художественной структурой новеллы их сближает и известное пристрастие Н.С. Лескова к анекдоту как основе сюжетного построения произведения... <...> Яркие представленные характеры сообщают эпическую глубину всему рассказу, который поначалу мог показаться всего лишь анекдотически забавной житейской историей» (130, с. 115).

Исследователи (начиная с Л.П. Гроссмана), в том числе В.Ю. Троицкий, обращают внимание на анекдотизм лесковских сюжетов — ярчайшую черту его стилистики и связанные с ним специфические трудности аналитического выявления авторской оценочности.

Вслед за Л.П. Гроссманом о «коварстве» лесковского письма говорит академик Д. С. Лихачёв в известной статье «Ложная этическая оценка у Н.С. Лескова»: «Произведения Н.С. Лескова демонстрируют нам (обычно это

⁵ Федь Н.М. Художественные открытия Н.С. Лескова/ Лесков и русская литература. М.: «Наука», 1988. 480 с.

рассказы, повести, но не его романы) очень интересный феномен маскировки нравственной оценки рассказываемого. Достигается это довольно сложной надстройкой над повествователем ложного автора, над которым возвышается уже совершенно скрытый от читателя автор, так что читателю кажется, что к настоящей оценке происходящего он приходит вполне самостоятельно».

Со всей определённой в своей монографии «Лесков - художник» В.Ю. Троицкий указал на чрезвычайную эстетическую функцию образа рассказчика в лесковской прозе, в том числе и в жанре рассказа.

О.В. Евдокимова, тонкий и точный исследователь лесковского творчества, говоря о воплощении в образах лесковских рассказчиков «разных форм осознания какого-то явления», высказывает чрезвычайно ценную мысль о наличии в рассказах Лескова типичной для этого писателя структуры, наглядно схематизированной в том же самом небольшом рассказе, о котором говорит Д.С. Лихачёв. В «Бесстыднике» «личность каждого из героев выписана Лесковым колоритно, но не выходя за пределы той формы сознания, которую герой представляет. В рассказе действуют яркие личности, но обусловлены они сферой чувств и размышлений о стыде». И далее: «Любое произведение Лескова включает в себе этот механизм и может быть названо «натуральный факт в мистическом освещении». Закономерно, что рассказы, повести, «воспоминания» писателя часто смотрятся как бытовые истории или картинки с натуры, а Лесков слыл и слыет мастером бытового повествования».

О подобном сложном сплаве социального, бытового, морального и общечеловеческого в апофеозном «праведническом цикле» говорит И.В. Столярова: «... Лесков решительно отстраняется в своих рассказах о «праведниках» от подобных мировоззренческих проблем. В центре его внимания - «примечательные характеры, описанные им с почти документальной точностью реальные людские судьбы, события и происшествия. <...> Главные сюжетные коллизии, на которых построены рассказы Лескова, - это, как правило, не противоборство идей, доктрин,

теорий, а столкновение добра и зла, «совершенной» альтруистической любви и холодного безучастия, высокой честности и беззастенчивой изворотливости». О. С. Клишина в очередной раз обращает внимание на «речевую партию» персонажа в рассказах и повестях Лескова, состоящую, по мнению этого исследователя, из трёх элементов: а) общеразговорных, назначение которых — создать эффект достоверности, устного, преимущественно неофициального общения; б) социально-групповых и территориальных (определяющих общественное положение говорящего), которые будучи статусными корнями речевого поведения, не зависят от ролевых норм; в) элементов, создающих неповторимую индивидуальность речевой системы конкретного лица⁶.

Но, пожалуй, чаще и подробнее всего в разного рода научных работах говорится о жанре святочного рассказа в лесковской интерпретации. Е.А. Макарова замечает, что в излюбленном этим писателем жанре рождественского рассказа, «которому он придает свою оригинальную трактовку и доводит до совершенства», Лесков «в литературе второй половины XIX века ... по сути становится своеобразным вариантом русского Диккенса». С.И. Зенкевич аргументированно убеждает в особой значимости для Лескова-художника святочной темы: «исподволь разработанная структура будущего святочного рассказа погружает в таинственную праздничную атмосферу и рассказчика, и заинтересованных необъяснимыми происшествиями слушателей».

⁶ Соловьев В.С. Н.С. Лесков//Философия искусства и литературная критика. М.: «Наука», 1991.350 с.

Глава II. Рассказ Н.С.Лескова «Бесстыдник» как отражение драматического произведения А.С. Грибоедова «Горе от ума»

2.1. Построение рассказа Н.С. Лескова «Бесстыдник»

Содержание рассказа «Бесстыдник» (в первоначальном варианте – «Медный лоб») таково. Повествователь, рассказ которого пересказывает автор, стремится пояснить своим повествованием ту мысль, что человек ведет себя так, как ему определено его службой: геройствует, когда это подсказывается его военной или морской службой («мундиром»), и ворует, когда это позволяет его служебное положение.

Автор предваряет рассказ своего рассказчика, «старого моряка» Порфирия Никитича, уверением, что он сам вынужден был целиком согласиться с моральным выводом Порфирия Никитича. Это парадоксальное и загадочное согласие и вызывает повышенный интерес читателя, так как читатель в течение всего многоэтажного повествования ждет: как же будет оправдано воровство, да еще так, что с ним должен был согласиться герой Севастопольской кампании, человек, безусловно, не только честный, но, как выясняется, и пострадавший со всей русской армией от этого воровства.

Порфирий Никитич рассказывает, как он однажды очутился в почтенном обществе, довольно большом и пестром, но в котором оказались и несколько «наших черноморцев», которые познакомились с хозяином дома «в севастопольских траншеях» в войну 1855—1856 гг. Среди присутствовавших оказался и интендант, чье незаконно приобретенное богатство всячески подчеркнуто его грузной, отталкивающей внешностью, всеми дурными манерами нувориша, необыкновенной толщины бумажником, набитым сторублевками. В его присутствии рассказчик Порфирий Никитич пространно и громко возмущается воровством интендантов. Старый интендант продолжает невозмутимо играть в карты, не обращая никакого внимания на оскорбления, которые ему наносит Порфирий

Никитич, а в конце концов вынужденный к тому прямым к нему обращением Порфирия Никитича, произносит нравоучение, с которым принужден согласиться и Порфирий Никитич, и все присутствующие, в том числе и старые обворовываемые интендантами черноморцы, проливавшие кровь в севастопольских траншеях, а в конечном счете и автор.

Что же это за мораль, с которой соглашается и сам мнимый автор, пересказывающий рассказ Порфирия Никитича?

«...Нельзя же так утверждать,— говорит интендант Анемподист Петрович,— что будто одни ваши честны, а другие бесчестны. Пустяки! Я за них заступаюсь!.. Я за всех русских стою!.. Да-с! Поверьте, что не вы одни можете терпеливо голодать, сражаться и геройски умирать; а мы будто так от купели крещения только воровать и способны. Пустяки-с! Несправедливо-с! Все люди русские, и все на долю свою имеем от своей богатой натуры на все сообразную способность. Мы, русские, как кошки: куда нас брось — везде мордой в грязь не ударимся, а прямо на лапки станем; где что уместно, так себя и покажем: умирать — так умирать, а красть — так красть. Вас поставили к тому, чтобы сражаться, и вы это исполняли в лучшем виде — вы сражались и умирали героями и на всю Европу отличились; а мы были при таком деле, где можно было красть, и мы тоже отличились и так крали, что тоже далеко известны. А если бы вышло, например, такое положение, чтобы всех нас переставить одного на место другого, нас, например, в траншеи, а вас к поставкам, то мы, воры, сражались и умирали, а вы бы... крали...»

От этого заявления вора-интенданта Анемподиста Петровича все присутствующие (заметим — даже и те, что сражались в траншеях) «пришли в ужасный восторг от его откровенности и закричали: „Браво, браво...»⁷

Создается впечатление, что интендант-вор высказал необыкновенно мудрую мысль. Рассказ заключается словами Порфирия Никитича, с

⁷ Максим Горький Н.С.Лесков. Впервые напечатано в виде вступительной статьи к изданию "Н.С.Лесков. Избранные сочинения в трёх томах", т. I, издание З.Гржебина, 1923. В авторизованные сборники не включалось.

которыми молчаливо соглашается и автор: «Ну, понятно, я после такого урока оселся со своей прытью и... откровенно вам скажу, нынче часто об этих бесстыжих речах вспоминаю и нахожу, что бесстыдник-то — чего доброго — пожалуй, был и прав».

Итак, «бесстыдник», но «прав»! Откровенно циничный взгляд признается правильным, хотя и с некоторым реверансом, признанием его правильным только «чего доброго», но не безусловно.

Читатели понимают различие Порфирия Никитича и Лескова, но различие автора, пересказывающего рассказ Порфирия Никитича, и Лескова совсем не обозначено. Читателю надо самому разобраться в аргументации «бесстыдника», раз уже первые двое признают его правым.

Разобраться в этом не так уж в конце концов трудно. Во-первых, «бесстыдник» допускает совершенно явную логическую ошибку — преувеличение тезиса своего оппонента. Порфирий Никитич отнюдь не утверждал, что все русские люди делятся на героев и воров. Речь шла только о севастопольском войске, и то, я думаю, интендантов там было вовсе не половина, а едва двадцатая — тридцатая часть. Во-вторых же, тезис об оскорблении всех русских Порфирием Никитичем в условиях сохранявшегося еще николаевского режима был откровенной политической провокацией. Порфирию Никитичу подобного рода обвинение угрожало арестом...⁸

Если со стороны интенданта циническая речь его была политической провокацией, то в плане литературном отождествление авторской точки зрения с точкой зрения интенданта следует рассматривать как провокативную мораль. Эта авторская «провокация» должна заставить читателя задуматься и не только не признавать этого высказывания, но прийти к прямо противоположным выводам: отвергнуть и тезис интенданта,

⁸ Максим Горький Н.С.Лесков. Впервые напечатано в виде вступительной статьи к изданию "Н.С.Лесков. Избранные сочинения в трёх томах", т. I, издание З.Гржебина, 1923. В авторизованные сборники не включалось.

и всю систему, порождающую такое легкое и «мундирное» поведение казнокрадов,— только одень героя в мундир интенданта, и вор готов...

Такой провокативный прием встречается в произведениях Н. С. Лескова нередко. Доводя до абсурда этику разного рода чиновников, их бюрократических способов действия, Н. С. Лесков оставляет своих читателей самим разбираться в том, что хорошо и что плохо, создавая тем самым поразительно острые ситуации и разыгрывая ложный конфликт со своими читателями.

В связи со всем сказанным и возвращаясь к рассказу «Бесстыдник», хотелось бы предложить читателю одно любопытное наблюдение. «Наивный» рассказчик Порфирий Никитич наивен только в своих этических выводах, но, как уже мною было сказано, подобного рода подставные рассказчики вразрез со своей внешней простоватостью вовсе не простоваты как художники. Рассказ Лескова «Бесстыдник» написан после «Севастопольских рассказов» Толстого, после его кавказских рассказов, описывающих поведение героев во время сражений. И вот замечательно, что вор-интендант Анемподист Петрович, осыпаемый градом обвинений со стороны Порфирия Никитича, ведет себя точь-в-точь по этикету толстовских военных героев. И это необыкновенно значительно, если принять во внимание, что речь в рассказе идет об описанной Толстым Севастопольской кампании, с одной стороны, а с другой — что ложная мораль рассказа заключается в том, что воры-интенданты тоже «герои», только поставленные «у другого дела» и одетые в другие мундиры...

Анемподист Петрович невозмутим во все время словесной его «бомбардировки» — занят своим делом: игрой в карты, а затем, начав отвечать, занят не менее прозаическим делом — пережевыванием и смакованием превосходной семги, что сказывается даже в том, как он говорит, как растягивает слова. Жующий рот героя и у Толстого — один из приемов передачи «простоты и правды» военного геройства.

Обратим внимание на следующие детали изображения героев в «Севастополе в августе 1855 года». Первая же встреча с севастопольскими солдатами: «Два пехотных солдата сидели в самой пыли на камнях разваленного забора, около дороги, и ели арбуз с хлебом. — Далече идете, землячок? — сказал один из них, пережевывая хлеб...»

Далее подчеркивается наслаждение едой:

«— В городе, брат, стоит, в городе,— проговорил другой, старый фурштатский солдат, копавший с наслаждением складным ножом в неспелом, белесом арбузе...»

Нечто похожее на рассуждения лесковского интенданта слышится в следующих словах одного из севастопольских офицеров:

«— Ведь вы сами рассудите, господин смотритель,— говорил с запинками другой, молоденький офицерик,— нам не для своего удовольствия нужно ехать. Ведь мы тоже, стало быть, нужны, коли нас требовали. А то я, право, генералу Крамперу непременно это скажу. А то ведь это что ж... значит, не уважаете офицерского звания».

Та же тема — «работаем, куда поставили» — слышится и в ответе станционного смотрителя, на которого обрушился гнев проезжавших офицеров: «...дайте только до конца месяца дожить — меня здесь не будет. Лучше на Малахов курган пойду, чем здесь оставаться. Ей-богу!»

2.2. Подстрочные комментарии к рассказу «Бесстыдник»

Сразу отметим, что подлинная (и то не вполне точная) цитата из «Горя от ума» Грибоедова в «Бесстыднике» только одна: «...у нас дрянных людей везде ругают и всюду принимают. Это еще Грибоедов заметил...» - Лесков имеет в виду слова Платона Михайловича Горича в «Горе от ума» (д. 3, явл. 9) о Загорецком:

...у нас ругают

Везде, а всюду принимают.

У Лескова можно встретить скорее цитаты из других авторов. Вот они:

1. ...»и приписывали и отписывали они мелом и так занимались делом» - неточная цитата из эпиграфа к первой главе «Пиковой дамы» Пушкина.
2. «Изнанка Крымской войны» - под этим заглавием в ээ 1, 2 и 4 «Военного сборника» за 1858 год были напечатаны три статьи видного военного деятеля Н. Н. Обручева, разоблачавшие порядки в госпиталях и неурядицу в продовольственном снабжении армии во время Крымской войны. Статьи вызвали оживленную полемику. В редакцию «Военного сборника», кроме Н. Н. Обручева и В. М. Аничкова, входил в это время и Н. Г. Чернышевский.
3. ...свинья в ермолке. - В письме Хлестакова к Тряпичкину в «Ревизоре» Гоголя так назван попечитель богоугодных заведений (д. 5, явл. 8).
4. ...в Англии... (которою все мы тогда бредили под влиянием катковского «Русского вестника»). - «Русский вестник» Каткова в первые годы своего существования (выходил с 1856 года); проводил резко англофильскую политику.
5. ...как гоголевский Петух... - Обед Чичикова у Петра Петровича Петуха описан в главе 3-й второго тома «Мертвых душ» Гоголя.
6. ...стал шампанское в свой квас лить... - Провиантщик, о котором пишет Лесков, не был оригинален. В поэме Некрасова «Недавнее время» (1871) читаем:

В Петербурге шампанское с квасом

Попивали из древних ковшей...

В «Воспоминаниях» С. Ю. Витте (т. III, Л., 1924, стр. 280-281) описано употребление этой смеси в 1880-1890-х годах купцами-миллионерами В. А. Кокоревым, П. И. Губониным и др.

Таким образом, эти прямые цитаты скорее оттеняют картину. Обратимся к косвенным ссылкам.

2.3. «Горе от ума» Грибоедова как пратекст «Бесстыдника»

В основном сравнение «Горя от ума» и «Бесстыдника» возможно по одному измерению – служба, служебная деятельность. Напомним наиболее значительные выражения из «Горя от ума» о службе:

- Чины людьми даются, а люди могут обмануться;
- Подписано, так с плеч долой;
- Дома новы, а предрассудки стары;
- Служить бы рад, прислуживаться тошно;
- А судьи кто?
- К военным людям так и льнут, а потому, что патриотки;
- Шел в комнату, попал в другую.

Сюда же можно добавить менее яркое выражение: «кто служит делу, а не лицам».

В рассказе «Бесстыдник» интендант, много и благополучно наворовавший денег во время Севастопольской кампании, говорит, отвечая на упрёки офицеров, изуродованных войною:

«— Вас поставили к тому, чтобы сражаться, и вы исполнили это в лучшем виде — вы сражались и умирали героями, на всю Европу отличились; а мы были при таком деле, где можно было красть, и мы тоже отличились — так крали, что тоже далеко известны. А если бы вышло, например, такое повеление, чтобы всех нас переставить одного на место другого, нас — в траншеи, а вас — к поставкам, то мы бы, воры, сражались и

умирали, вы бы крали». Лицо, от имени которого ведётся рассказ о «бесстыднике», прибавляет от себя: «Бесстыдник-то, чего доброго, пожалуй, был и прав».

В чём же здесь дело? Служебная деятельность обладает чертами, разительно отличающими ее от эгодеятельности. В частности, как уже сказано, она не обеспечивает существование деятеля, но придает смысл его существованию. Кроме того, она часто иррациональна для исполнителя, поскольку тот не участвовал в процессе целеполагания. Есть и другие особые ее черты. Но главная отличительная черта служебной деятельности - наличие «служебного соблазна».

По этим причинам, служебная деятельность резко отличается от «простой» и «однородной» эгодеятельности своей сложностью, следствием чего является появление нескольких типов личности. Все черты деятельности так или иначе влияют на формирование личности. Но влияние служебного соблазна особенно велико.

Суть его в том, что служащий постоянно находится в ситуации мучительного выбора. С одной стороны, служебный долг требует от него бескорыстия, самоумаления, даже самопожертвования. С другой, - служащий может использовать служебные полномочия для обогащения, причинения вреда соперникам, получения дополнительных услуг и т. д. И далеко не всегда выбор совершается в пользу служебного долга. Масса служащих выбирает эгоистическую линию поведения, в частности, как российское чиновничество в конце прошлого века или советское руководство в период «застоя». Как раз с этим типом людей взаимодействуют внешние «вампиры», ища способ обратить на пользу себе ресурсы той или иной страны.

В зависимости от выбора линии поведения возникают разные типы личностей - «честных служак», «карьеристов», а также промежуточный тип, представители которого ведут себя по обстоятельствам и способны как на подвиг, так и на «воровство». Иначе говоря, служебная деятельность

порождает три типа личностей, каждый из которых по-своему «гармоничен», ибо соответствует ей.

Первый - честный служащий - гармоничен на основе собственно служебной деятельности. Имея высшей ценностью общее благо, он способен принести ему в жертву самого себя. В России ярчайшим представителем этого типа личности был Петр Великий. Как отмечал В. О. Ключевский, у Петра «всегда были наготове две основы его образа мыслей и действий, ... неослабное чувство долга и вечно напряженная мысль об общем благе Отечества, в служении которому и состоит этот долг». Подобного типа личностями были, вероятно, Суворов, Жуков и т. д. Понятие «призвание», вероятно, лучше всего охватывает тип поведения и деятельности личностей этого рода.

Второй - карьерист - гармоничен на основе забвения служебного долга и сознательного или бессознательного, но четкого и последовательного использования служебных полномочий в корыстных целях, то есть для самоутверждения в обществе или получения каких-то выгод и удовольствий. Иначе говоря, здесь наблюдается гармония на основе обратной корреляции личности с деятельностью. Личность использует «антинормы» служебной деятельности для достижения ценностей, противоположных ценностям службы.

Третий - «промежуточный тип», несет в себе внутреннее противоречие, поскольку его личностная структура основана на сочетании противоположных ценностно-нормативных систем. Но он гармоничен в ситуации, способен к разным типам поведения в зависимости от сложившейся обстановки. О таком типе личности как раз идет речь у Н. С. Лескова, где один персонаж («бесстыдник») утверждает, что русские в равной мере способны как на подвиг, так и на казнокрадство, причем его оппонент, честный лазаревский офицер, после длительного раздумья признает правоту «бесстыдника». Подобный тип личности (и, соответственно, поведения) возможен, вероятно, потому, что многие нормы

поведения усваиваются бессознательно, и человек ведет себя весьма «естественно», «как все» в зависимости от обстоятельств.

Два крайних типа «честные служаки» и «карьеристы» находятся в постоянной борьбе между собой, причем в мирное время «карьеристы» всегда выигрывают. Во время войны сама обстановка еще позволяет как-то оценить человека по реальному вкладу в общее дело, хотя полностью служебные злоупотребления неискоренимы. В мирное же время «карьеристы» легко находят общий язык на почве корыстных интересов и вытесняют «служак», ибо обществу трудно проследить вредные последствия от деятельности отдельного чиновника. Основная масса высших должностных лиц «забывает» о своем долге и общество втягивается в кризис, способный превратиться в катастрофу.⁹

Таким образом, у Лескова выведен своеобразный гибрид крайних грибоедовских типов, гибрид честного служаки и карьериста, чиновник-оборотень, который приспосабливается к ситуации настолько естественно (до того, что он не боится всех, подобно грибоедовскому Молчалину, и не думает всем угождать либо делает это для проформы, подстраивается, но не забывает о себе), что служит и делу и лицам в меру собственной выгоды или невыгоды, при этом действовавший именно в военное время.

⁹ Евстигнеева Л.А. Художественный опыт Лескова и идейно-эстетическая борьба в русской литературе начала XX века/ Лесков и русская литература. М.: «Наука», 1988. 480 с.

Заключение

До конца дней Лесков оставался художником-экспериментатором. Жанровые новации новеллы-анекдоты, сказки, легенды, мемуарные повести, "рассказы кстати" предполагали и стилистическое разнообразие. Лесков был блестящим стилизатором, имитировавшим язык 18 в., владевшим эзоповской манерой, любившим красочный, умевшим писать и изысканно просто. Это видно на примере рассмотренного рассказа «Бесстыдник», где имеются (явные и тайные) ссылки на многих авторов, создающие единство композиции. В особенности это относится к произведению Грибоедова «Горе от ума». Непосредственно цитирование встречается только один раз, но по этой единственной прямой цитате видно, что основу сюжета рассказа составляет служебная деятельность.

В рассказе «Бесстыдник» выведен тип чиновника-оборотня, умеющего – и с выгодой для себя – быть одновременно и служакой и карьеристом. В этом случае имеется некоторая насмешка над Грибоедовым, представившим только крайние типы чиновников. При этом у Лескова это сочетается с его собственным пониманием национального характера - русские в равной мере способны как на подвиг, так и на казнокрадство. И признание подхода такого чиновника со стороны рассказчика правильным – не неприязнь к отрицательной стороне службы, а в какой-то мере социальная зависть. Во всяком случае, в русской литературе существуют иные типы – людей, честных только до первой социальной неудачи. В такой ситуации просто затруднительно понять, как и к кому относиться. Цитата же из Грибоедова, что дрянных людей «ругают, а всюду принимают», указывает на двойственность норм, на то, что то, что именуется «двойными стандартами», скорее обычное дело в обществе, что мораль на деле часто не в ладах с выгодой, и выбор часто приходится делать в пользу последней.

Список использованной литературы

1. Видуэцкая И.П. Прошлое и настоящее в художественном мире Лескова/Лесков и русская литература. М.: «Наука», 1988.458 с.
2. Виноградов И.А. О теории новеллы//Борьба за стиль. Л.: «Наука», 1937. 300 с.
3. Добин Е. Жизненный материал и художественный сюжет. Л.: «Художественная литература», 1958. 234 с.
4. Евстигнеева Л.А. Художественный опыт Лескова и идейно-эстетическая борьба в русской литературе начала XX века/ Лесков и русская литература. М.: «Наука», 1988. 480 с.
5. Катаев В.Б. Лесков в литературных полемиках //Русская словесность. – 1995. - №6 – С. 22-25.
6. Ломунов К.Н. Русская классика в оценке Н.С. Лескова/ Лесков и русская литература. М.: «Наука», 1988. 480 с.
7. Максим Горький Н.С.Лесков. Впервые напечатано в виде вступительной статьи к изданию "Н.С.Лесков. Избранные сочинения в трёх томах", т. I, издание 3.Гржебина, 1923. В авторизованные сборники не включалось.
8. Соловьев В.С. Н.С. Лесков//Философия искусства и литературная критика. М.: «Наука», 1991.350 с.
9. Федь Н.М. Художественные открытия Н.С. Лескова/ Лесков и русская литература. М.: «Наука», 1988. 480 с.